

4. Письмо мелика Абова къ Минасу Лазареву въ Петербургъ.

Прекрасное имя ваше высоко сіяетъ подобно солнцу и во всѣхъ частяхъ свѣта благословляется людьми. Нынѣ вы одни — наша надежда; вы одни лишь — изъ поколѣвій знаменитыхъ предковъ нашихъ, героевъ и достойныхъ благословенія. И такъ какъ вы подобны цвѣтущему и плодовитому дереву, а съ помощью десницы Всевышняго имѣете смѣлость быть предъ всемилостивѣйшимъ Императоромъ ходатаемъ для нашего народа, то мы, оставшіеся безъ всякаго вознагражденія за наше вѣроподданничество и оказанныя храбрости и нынѣ, въ забытіи, принимаемые (правительствомъ) за незначительную и простую личность — мы къ кому-же должны обратиться и изъяснить нашу печаль, какъ не къ вамъ, и когда-же должны просить о возвратѣ намъ счастья, какъ не теперь?

Блаженной памяти Шамир-ага, узнавъ о храбрости карабагскихъ меликовъ, восхищался и оказывалъ намъ помощь. Вы-же нынѣ, съ помощью Всевышняго, стоите выше его славою и почестями, а потому насколько болѣе его обязанности вы помочь намъ, желать намъ счастья и не дать заслугамъ и имени нашему погибнуть безъ вознагражденія, а намъ умереть подобно лишеннымъ храбрости? Великая служба моя святому престолу Россіи и оказанныя мною храбрости въ Шущѣ еще при полководцѣ Зубовѣ — всѣмъ извѣстны. Быть можетъ не безизвѣстно и вамъ, что сильныя полчища Ага-Магомет-хана были изгнаны нами и разсѣяны по лицу земли. Вслѣдствіе сего царь Ираклій, желая имѣть насъ защитникомъ себѣ, клятвами и письмами убѣдилъ насъ придти въ нему, жить въ царствѣ его и считаться на равнѣ съ первостепенными *тавадами* и князьями его. Мы прибыли; по обѣщанію своему царь далъ намъ Болниса, а во дворцѣ своемъ назначилъ намъ мѣсто по выше всѣхъ своихъ вельможъ. Такая жизнь наша продолжалась въ царствованія Ираклія и Георгія; нынѣ же мы лишены земли, имѣній и почестей, ибо всѣ притѣсняють насъ, стараются похитить у насъ Болниса и требуютъ десятую долю нашихъ урожаевъ. Все это такъ опротивило, что мы ни

за что не желаемъ отнынѣ жить тамъ (въ Болнисахъ). Когда я застроилъ и населилъ эту провинцію, очистилъ ее отъ всѣхъ враговъ и хищниковъ, то только тогда явились различные хозяева: одинъ дѣлается хозяиномъ канавы, другой — присвоиваетъ себѣ горы, третій — землю; требуютъ у насъ десятую долю и отъ хлѣба и отъ сѣна. Не дають намъ пахать, не дають косить и пасти скотъ; вслѣдствіе сего вся скотина наша повымерла и мы, озабоченные, въ настоящемъ году не пахали и не сѣяли. Отнынѣ, если даже всѣ камни въ Болнисахъ превратятся въ золото, то и тогда, отрѣкаясь, отрѣкаемся отъ сего имѣнія. Ни денегъ не осталось въ нашемъ кошелькѣ, ни терпѣнія....; дни свои проводимъ мы у пороговъ присутственныхъ мѣстъ и ниоткуда не имѣемъ помощи. Вслѣдствіе всего этого я подалъ на Высочайше имя всеподданнѣйшее прошеніе, дабы всемилостивѣйше дозволено было намъ и народу нашему переселиться въ отечество свое — въ Карабагъ, жить и обстроиться тамъ. Все-же, что обѣщано мною на бумагѣ всемилостивѣйшему Государю, то и отнынѣ присягаю и обѣщаюсь исполнить для выгодъ казны.

Мелику Джимшиду было позволено переселиться въ свое отечество — почему намъ не позволять? Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, стараться всѣми силами и быть за насъ ходатаемъ, выхлопотать намъ такое дозволеніе. Не избѣгайте могущихъ быть расходовъ, ибо они съ благодарностью будутъ вамъ возвращены мною.

Царь Ираклій, сверхъ Болниса, обѣщалъ намъ и 100 дымовъ крестьянъ и мѣсто въ городѣ (въ Тифлисѣ) для постройки приличнаго намъ дома; самъ скончался, а мы не хлопотали объ исполненіи; въ доказательство-же существованія такого обѣщанія присылаемъ при семъ (?) копии съ царскихъ грамотъ. При царяхъ мы пользовались уваженіемъ болѣе, чѣмъ тавады и князья, а теперь неравняемъ и съ послѣднимъ мужикомъ. Царь Георгій далъ намъ должность *караван-башія*, отъ чего доходъ нашъ ежегодно простирался до 500 тумановъ, но по смерти его,

и то было утеряно и нынѣ отъ сей статьи не имѣемъ дохода ни одной копѣйки.

Письма царя Георгія къ намъ были представлены мною кн. Циціанову; онъ общался ходатайствовать предъ Государемъ, чтобы замѣнъ должности *караван-башия* дали-бы намъ жалованье и чинъ; но и это осталось безъ исполненія; самъ (кн. Циціановъ) умеръ, а письма царя Георгія остались въ его канцеляріи.

Какъ велика мая служба всемилостивѣйшему моему Государю, объ этомъ не знаетъ высшее правительство. Что-же еще остается мнѣ дѣлать? Имѣлъ я первенца—Ростомъ-бека, сына моей старости и наслѣдника моихъ предковъ и его я принесъ въ жертву всемилостивѣйшему и самодержавному моему Императору..... Боже-же того, что я сдѣлалъ и что и теперь творю, ни кто не въ состояніи сдѣлать.

Я имѣю каплю крови и то въ каждый часъ готовъ пролить для имени моего Государя. Что-же еще сверхъ сего могъ-бы я сдѣлать?

Въ сущности видно лишь одно: я *армянинъ*, а потому всѣ главнокомандующіе и военачальники злятся (?) на меня за мои подвиги и оказанную храбрость; о моихъ дѣяніяхъ они не хотятъ довести куда слѣдуетъ, ибо желаютъ, чтобы я отчаявался и погибъ-бы съ горя въ невѣстности. Съ Божьею помощью этого не будетъ. Я пока не пойду въ могилу и не погибну отъ горя и отчаянія; напротивъ того я и отнынѣ намѣренъ совершать подвиги, которые-бы изумляли всѣхъ; въ могилу-же пойду я при моихъ дѣяніяхъ, полныхъ храбрости и мужества; но не умру я на подобіе безсильнымъ и больнымъ, отпускающимъ душу въ постели.

При семъ присылаю вамъ бумаги министра (въ Грузіи) Коваленскаго; изъ нихъ вы увидите все, что я творилъ и какую я оказывалъ службу при царѣ Георгіи и при сказанномъ министрѣ. Я былъ причиною спасенія жизни (кн. Циціанова) и всего его отряда, ибо я отсюда посылалъ ему въ Эривань провіантъ, порохъ и пули. Каждый разъ вещи эти везъ ему мой первенецъ и милый сынъ Ростомъ-бекъ, вмѣстѣ съ 60 молодцами изъ моихъ людей. Разъ сынъ мой, Ростомъ-бекъ, доставилъ (кн. Циціанову) порохъ и пули къ обѣду, а къ вечеру на князя напалъ Шахъ (персидскій) съ несмѣтнымъ войскомъ.

Слѣдуетъ подумать, если-бы шестью часами раньше Ростомъ-бекъ не доставилъ-бы нашему отряду пороху, то что-бы стало съ (кн.) Циціановымъ? Однакожь не довольствуюсь этимъ, (кн.) Циціановъ вновь отправилъ сына моего въ Караглисъ за провіантомъ; но здѣсь на дорогѣ, напалъ на него (Ростомъ-бека) непріятель въ числѣ до 12 т. человекъ; тутъ одни изъ моихъ людей изъ любви къ имени Императора всея Россіи приняли мученическій вѣнецъ, другіе, совмѣстно съ сыномъ моимъ, отправлены были въ Тавризъ.

Такимъ образомъ, мой первенецъ Ростомъ-бекъ былъ увезенъ въ Персію, какъ овца въ бойню. Тамъ всѣ они были преданы различнымъ мученіямъ и для имени Государя Императора приняли страшную смерть. И такъ, погибъ мой сынъ, а съ нимъ погибли и 60 моихъ молодцовъ: съ лошадьми, оружіемъ и со всѣми украшеніями, данными имъ много. Предоставляю вамъ судить про мое печальное положеніе, которое, впрочемъ, хорошо знакомо генералу Тучкову и г-ну Леонтьеву (?).

Пусть Волконскій самъ засвидѣтельствуетъ—какую я ему оказывалъ службу. Не менѣе того я заслужилъ и при графѣ Гудовичѣ, когда при Ахалкалакской крѣпости нагналъ я страхъ и ужасъ на непріятельскія войска и т. д. Но онъ, гр. Гудовичъ, подобно своимъ предшественникамъ, не обратилъ на меня вниманія, не поблагодарилъ и не донесъ обо мнѣ даже Государю. Вы меня отрекомендовали ему, но и это прошло безъ пользы; хотя онъ и показалъ ваше письмо и сказалъ мнѣ, что вотъ ага Минасъ ходатайствуетъ про тебя и т. д. Но, повторю, эта рекомендація не дала достойнаго и полезнаго результата. Нѣсколько разъ просилъ я графа позволить намъ переселиться, подобно мелику Джимшиду, въ отечество, въ Карабагъ, но онъ несогласился, отвѣчая, что если мы переселимся, то Болниси разорятся, а ахалцихцы, лезгины и другіе хищники и разбойники разорятъ окрестныя г. Тиалиса селенія. Когда-же мы говоримъ, что такъ какъ царь Ираклій пожаловалъ намъ Болниси совсѣми землями, водой, лѣсомъ и другими принадлежностями, то просимъ и васъ, чтобы все это вы утвердили, тогда на это графъ отвѣчаетъ: я не могу чужія имѣнія представить вамъ и тому подобныя вещи; но

я не смѣю беспокоить васъ всѣми подробностями.....

Нынѣ, благодаря вашему ходатайству, моя просьба къ Его Императорскому Величеству Государю Императору, состоитъ изъ четырехъ пунктовъ: 1) дозволить намъ, съ подвѣдомственнымъ намъ населеніемъ переселиться, какъ выше сказано, въ отечество наше, въ Карабагъ. Намъ не нужны ни Болниси, ни 100 дымовъ вкрестьянъ, ни земли въ городѣ, какъ все это было обѣщано намъ царемъ Иракліемъ. 2) Взамѣнъ должности *караван-башія*, данной намъ царемъ Георгіемъ, по которой мы получали ежегодно до 500 тумановъ,—просимъ назначить намъ пенсію, яко таковую обѣщаль намъ еще (кн.) Циціановъ. 3) За оказанныя нами заслуги, за свидѣтельствоваанныя грамотами царя Ираклія и обѣщаніями (кн. Циціанова)—дать намъ *чинъ полковника* и 4) Такъ какъ сынъ мой Ростомъ-

бекъ съ 60 молодцами, во имя Государя Императора, сдѣлался жертвою ужасной смерти, то, взамѣнъ такой заслуги сынъ моего и 60 сподвижниковъ его, прошу дать чины *маіора* другому сыну моему Есаю-беку и племяннику моему Адаму-беку меликъ-Меджлумову. Все это поручаю вамъ, а я съ большею надеждою буду ожидать ихъ осуществленія...

Покорнѣйшій слуга меликъ Абовъ,
меликъ Іосифовъ Карабагскій.

23 Ноября 1807 г.
Тифлисъ.

Приписка. Все, что пишетъ меликъ Абовъ про храбрость и оказанныя правительству услуги, все это правда, но по грубости своего нрава онъ не былъ любимъ русскими.

Архіепископъ Ованесъ.